

коллекция

КАРМАН

истории

Наша с Сашей
мама давно уже
монахиня Иудифь
Рассказ
дочери Любви
Стриженовой

Елена Мольченко
Моя свадьба
с Фатюшиным стала
для Гундаревой
ударом

Елена Подкаминская
Главное уметь
слышать друг друга

Павел Глоба
Что ждет нас
в новом году:
«Скучно
с Обезьяной
точно не будет»

Татьяна
Вельяминова:
«Мы «дружили»
уже восемь
лет, когда Петя
позвонил:
«Я развелся»

ISSN 1818-4383

9 771818 438774

КОЛЛЕКЦИЯ **КАРАВАН** ИСТОРИЙ

стр. 26

В НОМЕРЕ:

ИМЕНА

132

Алексей Симонов:
«Мое ощущение гостя
в жизни отца осталось
надолго»

168

Татьяна Вельяминова
Жена

ПРОЗА ЗВЕЗД

6

Елена Подкаминская
Объять необъятное

66

Елена Земляникина
Промыслом Божьим

стр. 168

стр. 132

стр. 100

стр. 110

26

Елена Мольченко:
«Наша свадьба с Сашей
была для Гундаревой
ударом»

АСТРОЛОГИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

110

Павел Глоба
Что ждет нас в 2016-м?

ФАНТАЗИИ

**Проекты Екатерины
Рождественской**

100

Сказки

158

Частная коллекция

стр. 66

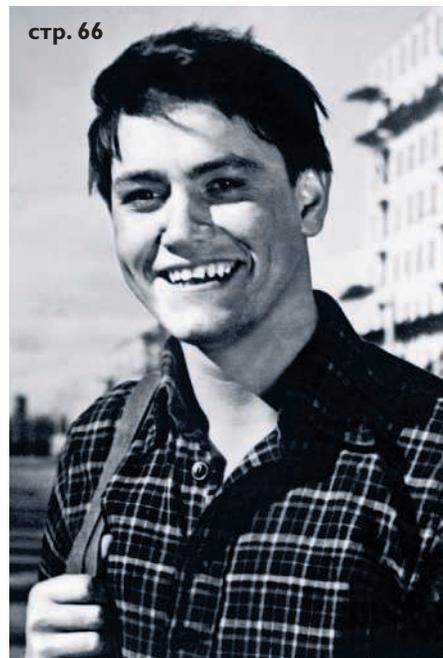

Фото: Сергей Гаврилов
Стиль: Алеся Матящук
Визаж: Ольга Афиногенова
Продюсер: Екатерина Шутылева

ЕЛЕНА ПОДКАМИНСКАЯ

ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ

Наверное, самая невозможная в жизни вещь, которая все-таки случается между людьми, — это совпадение. Но даже если когда-то встреча «всего со всем» и произошла, как это не утратить?..

Мамина нежность обладает особыми теплотой и светом, которыми она всегда согревает

Родители не навязывали свой взгляд на жизнь, жесткий план действий, не давали инструкций, как поступить, не шантажировали угрозами

Одно мудрое изречение гласит: «Дети должны получить от нас, во-первых, корни, во-вторых, крылья». Родители не могут определить нашу взрослую жизнь, но способны дать своему ребенку силу и направле-

ние РАЗВИТИЯ. Свой главный вектор ДВИЖЕНИЯ и мощный духовный импульс, постоянно меня питающий, я получила от своих родителей. Вначале расскажу о них — о своих любимых маме и папе.

Когда новый человек знакомится с моей мамой, он

всегда чувствует: эта женщина какая-то особенная, она как из песни Окуджавы — перепутала «улицу, город и век». Ее одухотворенность, женственность, интеллигентность сродни героиням Тургенева, Толстого, Чехова... Мамина нежность обладает

особыми теплотой и светом, которыми она всегда согревает.

В то же время в моей жизни не было более требовательного и бескомпромиссного педагога. В школе искусств, которую создали мои родители, мама работала со мной по всем направлениям музыкального образования. С детьми она общалась на волне позитива и радости, с необыкновенной мягкостью сопровождая каждый шаг их развития. И только мне, дочери, в работе над образом фортепианной пьесы доставалось бескомпромиссное: «Нет!» Поиски нужного штриха, максимально точного звукоизвлечения, последовательного перехода от форте к пиано и воздушности исполнения всегда выливались в предельную требовательность. Я думаю, эти занятия на всю жизнь привили мне высокую ответственность и перфекционизм во всем, чем бы я ни занималась.

Но кроме любимой школы искусств была в детстве и школа общеобразовательная. И мои впечатления о ней отнюдь не лучезарные. Это связано с особенностями системы советских времен — неуважительным, а порой жестоким обращением с детьми. В переполненных классах индивидуальность ребенка, как

правило, учителя не интересовала. Бал правили инструкция и требования программы, и если маленький ученик во что-то не вписывался, его унижали и наказывали. Особенно остро я ощущала страх в начальной школе, хотя и в средних классах всегда находились два-три педагога, продолжающих потрясать меня

жестокостью воздействия. От этого в буквальном смысле скручивало живот и сжимало сердце.

Мои родители другие — уже тогда, в восьмидесятые годы, они следовали гуманистической педагогике, основанной на уважении личности и индивидуальности ребенка. Они работали так, что

Кроме любимой школы искусств была в моем детстве и общеобразовательная

у детей возникало страстное желание заниматься музыкой, танцем, театром и изобразительным искусством. Не знаю ни одного ученика в школе искусств, который хлопнул бы крышкой фортепьяно и заявил: «Я к вам больше не приду!»

Если мама у меня ближе к девятнадцатому веку, то папа явно занял бы достойное ме-

Папа по сей день серьезно занимается философией, психологией и педагогикой. О каждом моем шаге в жизни — поступлении и учебе в институте, очередной роли или проекте — мы ведем диалог, который помогает мне понять суть и смысл происходящего. Разговор с папой, встреча с его мыслью — мое спасение, возможность устано-

паю некрасиво или неумно, общались со мной серьезно и вдумчиво, а не наказывали: не били, не ставили в угол, не лишали чего-то ценного в детском понимании. Они не навязывали свой взгляд на жизнь, жесткий план действий, не давали инструкций, как надо поступить, не шантажировали угрозами. Им удавалось выводить меня к соб-

Я не смогла отдать Полину в детский сад — не хотела, чтобы она пережила ужас, который внушила мне советская система воспитания

сто в эпохе Возрождения. Именно в те времена утверждалась идея универсальности человеческих возможностей. Потрясающий футболист с детства, папа вдруг страстно увлекся музыкой и поступил на дирижерский в Московскую консерваторию. Потом была музыкальная режиссура в камерном оперном театре МГУ, который он создал, и работа в сфере художественной педагогики по созданию уникальной системы целостного художественного развития ребенка.

В какой-то момент жизни он взялся за строительство нашего дома, сам разработал проект и реализовал его. Год назад он стал главой администрации одного из крупных поселений Новой Москвы. Зная папу, уверена: там уже полным ходом идут революционные преобразования и скоро все будет окультурено и одухотворено.

вить точный взгляд на предмет и взять верную интонацию в каждом деле, понять суть.

Родители и сейчас — моя духовная опора. Мне кажется, я способна, как мама, преодолеть природную робость, проявить удивительное бесстрашие и, как папа, — принять бой. Он этого никогда не боялся. Я уже не раз говорила, что не смогла поступить в институт с первого раза, провалила прослушивание сначала в одном театральном вузе, потом в другом. Расстроенная и разочарованная, решила все бросить. В подавленном настроении приехала домой, но папа нашел такие аргументы и слова, которые дали мне силы для нового и решающего шага. Последнее в том году прослушивание проходило в Щукинском, на этот раз все получилось, я стала студенткой.

Родители всегда, если понимали, что ошибаюсь, посту-

ственному пониманию того, что правильно и хорошо, а что — неверно и некрасиво. Такая педагогика, конечно, требует огромного терпения, но результаты ее неизмеримо высоки и благостны.

Многие взрослые, на мой взгляд, относятся к детству как к некоему чудачеству, от которого надо как можно скорее избавиться, научив ребенка следовать правилам и нормам. Часто это сводится к приказаниям: «Не трогай! Встань! Сядь!» И правильным считается, если ребенок привыкает встраивать свое поведение в рамки таких окриков. Я наблюдаю это сплошь и рядом. Однажды участвовала в фотосессии, позировала в парке в безумно красивом платье. Мимо шла девочка с родителями. Она увидела «тетю-принцессу», засмотрелась и споткнулась. Что, вы думаете, сделала мать? Дала ей жесткий подзатыльник и ска-

зала: «Смотреть надо под ноги!» И ребенок не расплакался! Он привык к подобному обращению. Такой вот удар по душе, такое неуважение к собственной дочери! Не

исключено, что девочка вырастет и отыграется на матери, когда та станет пожилой и беззащитной. Ведь если так воспитывать, чего ожидать в будущем?! Этот перевертыш

кочует из поколения в поколение, а положить ему конец титанически трудно. Меня это очень тревожит, до боли в сердце жаль детей и тех взрослых, которые не пони-

мени вникнуть в проблему маленького человека, разделить его беду или радость, гораздо проще наказаниями, приказами по-быстрому организовать жизнь своего чада. Главное, чтобы маме было удобно. Но к чему это ведет?! Мы растим неадекватных, замкнутых, закомплексованных людей, у которых в душе поселяется зло и боль.

Особенно остро я начала это понимать с рождением дочери. У нас с Полиной из-за моей замотанности дело тоже, бывало, доходило до слез. Но понимая, что перегнула, всегда прошу у нее прощения: «Извини, я, наверное, устала, и мне не хватило терпения. Тебе хочется поиграть, поговорить, но уже ночь. Я хочу, чтобы ты была здоровой девочкой со светлыми глазками, чтобы тебе было радостно, а для этого нужно высыпаться».

Лучше всего придумать какую-то интересную историю или устроить соревнование на скорость по укладыванию в кровать, чем орать: «Легла!

из любви к нам терпят непонимание и бесчувствие, они бегут даже за ударившей их мамой, рыдая и унижаясь, тянут к ней ручки. Мне тоже иногда не хватает внимания для своей дочери, терпения. Но я тут же пробую исправить ситуацию, понять, куда нужно двигаться, и с тяжелыми случаями родительского диктата никогда не смирюсь.

Слышать детский плач для меня мучительно. Недавно летела на съемки. Рядом плакала полугодовалая девочка. Ее папа не ругал кроху, но справиться с ней не мог. Это ведь тонкая штука — почувствовать ребенка: как ему хочется лежать, а может, ему жарко? Думала, мой мозг взорвется от криков девочки! В итоге не выдержала, встала, подошла к папе и попросила передать мне малышку. Минут сорок я пела ей песни, мы вместе кружились в танце в проходе. Наговаривала ласково: «Ты моя девочка, моя умница, ласточка, все будет хорошо...» И малышке стало спокойно, она

Я человек свободолюбивый и любое закрепощение души и указание, как мне жить, не приемлю. Мое решение расстаться было трудным

мают, что творят собственными руками.

Конечно, ребенок часто может мешать. И даже раздражать. Живя в постоянном нервном ритме, когда нет вре-

Закрыла глаза, а то залью зеленкой!» (я и такое слышала).

Родителям все время кажется, что они прощают детей за их странности и шалости, а на самом деле это дети

затихла и ручкой погладила меня по плечу...

Я не смогла отдать Полину в детский сад — не хотела, чтобы она пережила ужас и страх, который внушила мне

Обращаюсь к родителям за советом, за благотворной энергией, которая меня возрождает. Однако наше общение отнюдь не райское щебетание

Разговор с папой — мое спасение, возможность установить точный взгляд на предмет и взять верную интонацию в каждом деле, понять суть

в свое время советская система коллективного воспитания детей. Я очень переживаю из-за школы, предстоящей нам через два года. Где найти педагогов, чувствующих индивидуальность ребенка и способных раскрыть в нем личность?

В своей профессии я стараюсь быть последовательной и бескомпромиссной. Если вижу, что режиссер лишь при-

близительно понимает мою героиню и сцену, над которой предстоит работать, могу быть резкой и нетерпимой. А случается, молча выслушиваю неточные предложения, а потом играю по-своему. Но чаще отстаиваю свою позицию открыто, стараясь делать это интеллигентно. Правда, степень неподготовленности постановщика бывает

настолько критична, что я прихожу в отчаяние и не могу сдерживать эмоций. Потом всегда жалею об этом.

Раньше я была более робкой, не могла себе позволить поступить, как считала нужным. Вот представьте: меня приглашают на пробу сцены с партнером, крайне сложную, на пике отношений мужчины и женщины. Чтобы ее сыг-

рать драматично, необходима жесткая сцепка двух героев. Прихожу, а мне говорят:

— Актера нет. Реплики из-за кадра вам подадут.

Прежде я, стиснув зубы, подстроилась бы под обстоятельства. Сейчас поступаю иначе: это же проба на роль, зачем мне загонять себя в угол из-за чужой неорганизованности? И предлагаю:

звать свой образ, дабы не превращать себя в клише. По этой причине отказываюсь и от некоторых предложений повторить образ Виктории Сергеевны, моей героини из «Кухни», в других проектах.

Компромиссы могут быть и вполне разумными. Например, этим летом я предпочла отказаться от всего и два месяца посвятила Полине. Но

будет найден незаурядный хореограф, способный каждый танец поставить художественно ярко и самобытно. Таким мастером оказался Арсений Хорунжий, молодой балетмейстер и танцор, который каждый раз создавал уникальные композиции, отличающие наши выступления от всех прочих. Однако воплощение его замыслов потребовало еже-

Я не была готова к серьезным отношениям, пока он меня не поцеловал на прощанье. Тут произошел поворот — я влюбилась

— Давайте попробуем грим, костюмы, поговорим об образе. А сцену без партнера я играть не буду.

Решаясь на компромисс, нужно знать меру и понимать, к чему это приведет в будущем, не затронет ли твои принципы, не войдет ли в противоречие с совестью и порядочностью. Иногда уступка, которую допускаешь, может сильно изменить судьбу... и не в лучшую сторону.

Однажды мне предложили стать лицом одной косметической фирмы. Я посмотрела тексты, которые предстояло произносить: стандартные, формальные фразы. К договору прилагался список телеканалов, мероприятий, публикаций в журналах, где мне предстояло появляться. Я подумала и... не согласилась. Безусловно, существуют очень качественные рекламные проекты, но в этом предложении мне показалось опасным исполь-

случались и иные ситуации: ради участия в «Танцах со звездами» и «Ледниковом периоде» два года подряд я жертвовала свободным летом и общением с ребенком. Тогда почувствовала, что наступает новый этап развития, раздвигающий границы уже привычного и сложившегося. И я бросилась в неизведанное.

Съемки в этих телевизионных шоу оказались тяжелым испытанием. Это касается и физической нагрузки, и несовпадения с партнерами в нацеленности на результат. Андрей Карпов, профессиональный танцовщик, работал со мной с полной отдачей и очень точно, пока шел двухмесячный технический период подготовки проекта. А его мастерское владение аргентинским танго меня и вовсе покорило. Но уже тогда я поняла, что высокого творческого результата мы сможем достичь только в одном случае — если

дневных изнурительных многочасовых репетиций. Мы оба очень уставали, но что Андрей, видимо, был не настроен. Он сильно раздражался, когда я не сразу могла точно выполнить некоторые фигуры композиции, и часто не принимал сложные элементы танца, которые предлагал Арсений. Доходило до того, что Андрей, с моей точки зрения, срывался на грубость и не скрывал неуважительного ко мне отношения, а в заключительной стадии проекта на прогонах перед выступлением мог работать небрежно. Не разговаривал, не смотрел в глаза, грубил, если я ошибалась. Меня такое сильно выбивало из колеи. Об этом мало кто знал кроме нашей команды, но моя внутренняя боль доходила до такой точки, что не раз думала из проекта уйти. Просто стараюсь всегда держать удар и ни перед чем не пасовать. Не хотелось предавать свою коман-

Проект «Танцы со звездами» закончился для нашей пары победой, но друзьями мы с Андреем Карповым не стали

тата, попытался образумить: «У тебя нет никакой основы для технически насыщенного и выразительного катания, и потом — это травмоопасно!» Мама же вообще пребывала в полуобмороке. Я было уже отказалась, но Илья Авербух предложил провести пять тренировок и только затем вопрос о моем участии в проекте решить окончательно. Это была ловушка — через пять тренировок с потрясающим тренером Марией Орловой я «поехала», и фигурное катание захватило меня в плен.

В целом же о своем участии в «Ледниковом» скажу откровенно: более тяжелого испытания в моей жизни еще не было. Надеюсь, что и не будет. Каждое мгновение в работе с партнером Петром Чернышевым меня восхищало — он гениальный постановщик и художник, и оно же меня убивало — с таким диктатом, порой доходившим, как мне казалось, до деспотизма, я никогда не сталкивалась. Видимо, подобный метод работы характерен для спорта высоких достижений или Петя верил, что только жесткой педагогикой он будет способен забросить меня к себе на вершину. Это был ад: я боролась со страхом льда, с тяжелейшей физической нагрузкой шести-восьмичасовых ежедневных тре-

ду, талант Арсения, помощь Даши Шельгановой — прекрасной танцовщицы и педагога, веру в успех нашей пары зрителей, которые за нас болели. Все завершилось победой. Но друзьями мы с Андреем не стали.

В первый момент мое решение принять участие в «Ледниковом периоде» близкие не одобрили. До этого я никогда не стояла на коньках, и поэтому папа, зная мой максимализм и стремление всегда добиваться высокого резуль-

нировок и с постоянным моральным подавлением. На льду никогда не была ленивой, равнодушной, безответ-

ственной, но на пальцах одной руки могу сосчитать тренировки, которые были для меня в радость.

— Петя, почему ты так меняешься на льду? Заканчиваешь тренировку и становишься совершенно другим:

«Петя, почему ты так меняешься на льду? Заканчиваешь тренировку и становишься другим: добрым, интеллигентным», — спросила я

С Петром Чернышевым в «Ледниковом периоде»

добрым, открытым, интеллигентным, — спросила я его однажды.

— Все дело в черных коньках, — отшутился он, — в них заключена черная магия.

Петя все понимал, не раз извинялся, но все оставалось как прежде. При этом каждый номер, поставленный им для нашей пары, я считаю шедевром. Многие из того,

должала тренироваться в одиночку, боролась с чувством несправедливости и брошенности. После своей постановочной работы, погибая от усталости, приходил Петя и ставил номер уже для нас. Видимо, он не рассчитал силы. Может, не ожидал, что мы долго продержимся в проекте и будем конкурентоспособны.

В этот непростой для меня период муж сделал так, чтобы я могла ни о чем не волноваться. Полина была счастлива и окружена вниманием. Саша хорошо знает, что меня невозможно вырвать из процесса, если я сама не приму такое решение.

Забавно, что недавно опять звали в проект: на этот раз профессиональные спортсме-

Один несовпадающий элемент рушит все. Как в математике: что ни умножай на ноль, хоть целый мир уже пойманного счастья, будет ноль

что пробовал со мной Петя, раньше в проектах «Ледникового» не делали: степ на льду, индивидуальное, параллельное катание, сложные сложные партии, номер на одних подержках...

Последние шесть недель были совсем удивительными: у моего партнера был так построен график работы под Новый год, что на постановку и откатывание нашей программы оставались считанные тренировки. На первом месте оказалась его карьера исполнителя и хореографа: он ставил «Щелкунчика» на Пушкинской площади, готовил шоу для Бразилии, участвовал в большом турне по городам России со спектаклем «Юнона и Авось» на льду». На протяжении проекта Петя все делал самостоятельно, и когда его параллельно захватили другие планы, время нашей совместной работы катастрофически сократилось. Я про-

Неожиданный и странный поворот в судьбе нашей пары произошел в предпоследнем прокате. Судьи неоправданно жестко занизили нам оценки за исполнение одного из самых красивых и одухотворенных, на мой взгляд, номеров — Ave Maria. Такие оценки не ставили даже тогда, когда у кого-то случались падения. С высокой позиции мы с Петей скатились в конец таблицы и в итоге не заслужили даже третьего места. Жест доброты и поддержки проявили только Макс Маринин — подошел ко мне и то ли извинился, то ли приглубил — и любимый тренер Александр Жулин. Я ушла тихо. Не хотелось ни с кем прощаться.

Но, как написано на кольце царя Соломона: «Все проходит...» Главное, что для любивших нас зрителей остались записи уникальных Петиных композиций и искреннее катание нашей пары.

ны делают из актрис гимнасток и акробатов. Но козел и брусья — не моя стихия. В школе я всеми правдами и неправдами отлынивала от физкультуры, чтобы не встречаться с этими, как я считала, «орудиями пыток». А ведь был еще больший ужас — сдача лыжных нормативов. До сих пор помню, как в сползающих рейтузах тащила лыжи в лесу по снегу.

Я и сейчас обращаюсь к родителям за духовной поддержкой, за советом, за благотворной энергией, которая меня всегда возрождает. Однако наше общение отнюдь не райское щебетание. В нем много динамики, чувства, поиска решений. А папа благодаря конструктивности своего мышления все упорядочивает и создает для меня на какое-то время большую устойчивость. Зная о моей суперреактивности и эмоциональности, он часто приводит

метафору Осипа Мандельштама: вытекай из стакана как настоявшийся мед, а не вода. «Умение задержаться, остановить впечатление, не выплеснуть его в эмоциональной реакции — единственная возможность открыть себя к переживанию глубокого чувства и ясной мысли», — эти папины слова сопровождают меня во всех напряженных

быта и понимания многих взрослых вещей. Нам просто было хорошо вместе: говорить обо всем или молчать, смеяться, гулять, обнимая друга, держаться за руки.

Но оказалось, что влюблена в него не я одна. Мама молодого человека была к нему невероятно привязана и оказывала на него огромное влияние. Для нее стало неприятным

растит детей в тихом уютном доме, будучи его хозяйкой, и чувствует себя комфортно и счастливо. Даже завидую тем, кому этого достаточно. Но такая жизнь — не моя. Я схожу с ума без работы. Конечно, я нередко испытываю дисгармонию от невозможности равноценно совмещать две важные стороны моей жизни — быть актрисой и мамой. Ра-

Моя доченька — это пришедший ко мне новый, драгоценный, сложный, особенный мир. Это радость моей жизни, моя птица феникс

ситуациях жизни. Но как же это трудно! Например, если чувствую халтуру, равнодушные, нежелание добиться высокого результата в работе, могу быть вспыльчивой и даже жесткой, а потом сожалею об этом и прошу прощения за то, что перегнула, пережгла, не сдержалась.

Особенно мои эмоциональность и чувственность затмевали разум в пору юности. И даже могли создать на какое-то время иллюзию духовного совпадения с понравившимся мне человеком. Однажды так и случилось. Это оказалась первая настоящая любовь, грозящая закончиться браком. Я не была готова к серьезным отношениям, пока он меня не поцеловал, что называется, на прощанье. Тут произошел какой-то удивительный поворот — я мгновенно влюбилась. И началась юная, нежная и наивная история, когда не существовало

открытием, что единственный сын влюбился. Бессознательно сработала защитная реакция: она бесконечно вклинивалась в наши отношения, мы толком не могли побыть вдвоем, поступать по своей воле и желанию. Более того, она попыталась меня образумить, диктовать условия — с кем дружить, с кем общаться. Но я человек свободолобивый и любое закрепощение души и указание, как мне жить, не приемлю. Мое решение расстаться было трудным, рваным и прерывистым... Внутренняя связь с любимым держала намертво. Разрыв проходил как лазерная операция на душе: жгло сильно и долго. Два с половиной года не отпускало. Часто в то время мама, как в детстве, приходила ко мне в комнату и, тихо разговаривая, гладила мою руку.

С самой собой я хочу быть честной. Нисколько не умаляю жизнь женщины, которая

бота часто забирает много сил и времени, но даже вдали от Полины я не расстаюсь с ощущением: моя доченька — это пришедший ко мне новый, драгоценный, сложный, особенный мир. Это радость моей жизни, моя птица феникс.

Прихожу иногда домой с натянутыми до предела нервами, переодеваюсь, принимаю душ и погружаясь в пространство и атмосферу дома, возвращаюсь к себе. Поцелуй Полины — волшебный эликсир. Недавно обнимала ее перед сном и говорю:

— Люблю тебя до ужаса.

— А я тебя люблю до финиша! Mam, а что такое финиш?..

Своего папу Поля обожаю. Саша — необыкновенный отец, добрый, терпимый, открытый всему, что может принести Полине и всем нам пользу. Он обладает особой способностью к гармонизации любой ситуации и всегда приводит ее к позитивному

